и достояние их, и приидох к последней нищецкой службе со усердием служити твоему отцу, дабы собою всякое обносящееся в нуждах искушение уразумети, — а еже слышу от твоего благородства, яко пожелала есмь[1] привязанна ми быти богом, и я тя зело возлюбих. Она же, слыша добродна и разумна его суща, зело возрадовася и воздаде благодарение богу, яко не лиши желания ея, и многажды моляше своего отца, дабы дал ю ему л. 257
к сопряжению закона. Отец же ея велми прещаше в таковых и клятву ей налагаше, — бояся бо прелести от блудства, яко отец чадолюбив, паче же во искушениих являяся благоразумен. Благородная же та отроковица, видя своего отца непрочна к воли ея, даде тому благородному юноши залог свой перстень, его же более всего любляше, у него же взя его перстень, великою ценою награжденный. И устависта между себе, дабы ко сочетанию браку приступити им во славной Ишпании в дому славнаго Бруны, а из Винецеи, утаяся всех, бежати; таже в первых себе подтвердиста, — донеле ж к сочетанию брака не приступят законне, не осквернитися им друг от друга смертным грехом; и по таком залозе начаша искати подобна времяни, како бы им улучити хотение свое. Мелеония же толико его любляше, егда от Бруны взя залог перстень и обвив его червленою обвивою, и скры в своих л. 257 об.
одеждах у сердца своего, и непрестанно его ту ношаше.

По неколиком же времени поят оный Бруна Мелеонию и, утаяся родителей ея по намерению своему, бегу ястася точию едини, ни от раб своих кого с собою потребоваста, точию Мелеония взя с собою у родителей своих немала сокровища в малых вещах, дабы не срам ей был такова отца дщери в ыноземском краю себе видети. И бывшим им на пути, от великого труда припаде има сон; они же восхотеша дати телу своему упокоение, и попускаста свои ослята близ моря суть, и сном отяготистася. Мелеония же боле отягчена бе сном, велми храпляше, припадше к коленома своего обручника. Бруна же узрев во одеждах у нея зашитие и недоумевашеся чесому быти; и пожела уведети, и нача то место осматривати во одежди ея; и выня той л. 258
свой обручалной перстень с червленим обвитием; и нача паки в первое свое место устрояти. И по некоему строению тои перстень и с червленою обвивою испаде на землю из рук его, он же вскоре его не обрете; вран же созади его седя, Бруне же сего не ведящу, и мняше вран себе нечто пищу зрети, зане красовиден бе, и с великим усердием ухвати перстень и вложи во уста своя. Бруна ж, видя таковая, велми опечали себе и нача помышляти, дабы вран ва море не ушел, всяко домышляшеся, како бы уловити его; и егда приближися к нему, вран же от великого страха подъемшися и полете на море, а той перстень во устну своею имяше; он же нача по нем стреляти и уби его. Перстень же со червленою обвивою в море упаде. Бруна же узре малый кораблец и вслед в него поплыве по морю, хотя той перстень восхитити, и егда бывшу ему на мори, припаде великая буря в мори и нача носити л. 258 об.
его и отнесе далеко в незнаемыя места, а в перстне желания своего ему не получившу. Мелеония же о том и чего же ведущи, зане сном одержима бе, егда же возбудився и нача приходити в себе, семо и авамо[2] обзирающеся

[1] *Следует читать:* еси
[2] *Следует читать:* овамо